

НАША СТРАНА

Год издания 78-й. Буэнос Айрес, 3 июня 2026

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 3 de junio de 2026

No 3271

Живее всех живых

Девятого апреля 2026 г. Верховный Суд РФ удовлетворил исковое заявление Министерства Юстиции, признав на основе Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» так называемое «Международное общественное движение «Мемориал»» экстремистской организацией и запретив его деятельность и деятельность его структурных подразделений на территории Российской Федерации (на конец апреля с.г. решение еще не вступило в законную силу).

Уместно предположить, что запрет этот может давать широкие возможности для толкования и, следовательно, может охватывать деятельность сторонников закрытых несколькими годами ранее аналогичных мемориаловских структур в России. Применим термин «так называемое», потому что поименованное судом движение, насколько известно, никак юридически не оформлено. То есть на самом деле запрещена формально несуществующая организация.

А как обстоит дело с существующими организациями подобного рода? Если прогуляться по старой Москве, то можно увидеть в Малом Каретном переулке, прямо за огромным зданием Главного Управления Внутренних Дел, то есть московской полиции, хорошо отреставрированный двухэтажный исторический особняк с большой дизайнерской табличкой «Общество МЕМОРИАЛ». Да неужели?

Действительно, это другая, региональная организация из той же мемориаловской серии – «Московский Мемориал», которая особенно никакой публичной активности не проявляла и даже не имеет статуса иностранного агента, и даже была одним из учредителей фонда «Последний адрес» (изменился ли статус учредителя ныне, проверить по открытым источникам не представляется возможным по созданным до 2014 г. некоммерческим организациям), о почитании и оплакивании которым революционными разрушителями металлических табличками на фасадах домов мы ранее писали.

На мой запрос о статусе вышеуказанной организации Министер-

ство Юстиции РФ дало 30.04.2026 ответ: «Вопрос о ликвидации Региональной общественной организации «Историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Московский мемориал» по основаниям, предусмотренным Законом № 114-ФЗ, судом не рассматривался». То есть действующая организация под названием «Мемориал» и несущая в себе всю идеологию запрещённых родственными организациями, а также имеющая одних и тех же сторонников, а скорее всего ещё и одних и тех же сотрудников, в действительности живее всех живых.

Подход всех «Мемориалов» к почитанию памяти репрессированных, как известно, весьма своеобразен: память жертв раннебольшевистских массовых репрессий, а именно ленинского красного террора времён революционной смуты и Гражданской войны, террора периода троцкистско-зиновьевского русофобского поливоздизма 1920-х годов их не интересует.

Так, член ялтинской расстрельной тройки 1920 г. Рудольф Тольмац, подписавший более 400 смертных приговоров, был внесён в скорбную базу «Мемориала», а его жертв, как то сестер милосердия крымских госпиталей, находившихся в этих госпиталях на излечение раненых военнослужащих, военнопленных, гражданских лиц, представителей местного населения и т. п. – в этой базе нет.

Несколько лет назад при обсуждении этого факта в общественном пространстве активист «Мемориала» Сергей Прудовский, труженик, сам изучающий архивные документы и смело в судах пытающийся добиться правды, в оправдание писал в фейсбукской ленте, что, мол, «крымчане не представили им местных книг памяти»... Но ведь ещё в 2005 году вышла научная монография, написанная изучавшим расстрельные анкеты и проводившим реабилитацию жертв красного террора донецким прокурором Леонидом Абраменко, которая фактически и есть самая настоящая книга памяти, и невозможно поверить в то, что исследователи репрессий, как крымские, так и московские, с этим трудом не были

знакомы; однако, жертвы крымского красного террора в базу «Мемориала» до сих пор так и не внесены.

В текущем 2026 году исполняется 100 лет Делу Лицеистов, то есть делу, сфабрикованному петроградскими чекистами против последних выпускников Александровского Лицея – лучших представителей русской аристократии. Они как «бывшие», «лишенцы», находясь на социальном дне и ведя тихую жизнь простых обывателей, работали, дружили, ходили друг к другу в гости, совместно посещали богослужения. Из 88 человек, обвинённых в вымышленном заговоре, 34 лицеиста были приговорены к высшей мере, а остальных ждали лагерь и ссылки, в которых многим не суждено было уцелеть.

Я успел проверить 34-х приговоренных к расстрелу по базе «Мемориала» перед её недавним закрытием: их там нет. Зато палач-организатор репрессий, начальник Петроградского ОГПУ, сфабриковавший это дело, Станислав Мессинг, жертва внутрибольшевистских разборок 1937 года, конечно же внесён в мемориаловскую скорбную базу. Следователь Александр Ланге, непосредственный исполнитель, не дожил до 1937 года, умер своей смертью в 1935 г. и похоронен на

Новодевичьем кладбище в Москве у стен монастыря. Вот такой стандарт мемориаловцев – жертвы раннебольшевистского террора, сыны и дочери подлинной, Императорской России, их не интересуют, зато палачи у них достойны оплакивания.

Получается, что власти РФ определили несуществующую организацию как экстремистскую, – не имею претензий оспорить это решение, – а существующей организации подобного идеологического плана – зелёный свет. Не призываю никого запрещать. Неоленинцы не боятся запретов, они боятся правды. Если бы власти решили действительно позаботиться об исторической памяти русского народа, то могли бы создать хотя бы небольшую группу профессиональных историков, чтобы на основании архивных первоисточников уличить мемориаловских русофобов в двойном стандарте, в оплакивании большевистских смутьянов-разрушителей и палачей подлинной, исторической России, то есть применить мягкую просветительскую силу, которая низвела бы их в глазах публики до уровня маргинальной секты. Правды они боятся гораздо больше, а из судебных-полицейских запретов только извлекают гешефт мучеников.

Сергей Шарапов

ОБ АНАФЕМЕ СОВЕТСКОЙ И ПУТИНСКОЙ ВЛАСТИ

Уже много писалось относительно анафемы на советскую власть Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. Однако, видимо, нужно сделать это ещё раз – в виде вопросов-ответов.

-Была ли анафема лично от Патриарха или от всего Собора?

-Лично от Св.Патриарха, не желавшего подставлять под удар советской власти весь Собор – 18 января 1918 г. И от всего Собора, «не принявшего жертвы Патриарха», 28 января 1918 года.

-Была ли это анафема на гонителей христиан?

-Да, само собой разумеется.

-Разве можно анафематствовать то, что не принадлежит Церкви?

-Можно, если речь идёт об отступниках. Св. Василий Великий молился за смерть Юлиана Отступника. Кроме того, все большевики, включая Ленина, Сталина, Хрущёва и Брежнева, были крещёными православными христианами – членами Церкви. Они по сути являлись единоличными правителями или, в самом меньшем случае, «лицом власти». И они все были под анафемой Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917-1918 гг. как прямые и непосредственные гонители христиан.

-Анафематствовались ли только личности, или в целом идеология?

-Анафематствовались безбожники и конкретное агрессивное безбожие. В этом смысле, конечно, агрессивная безбожная идеология, толкающая людей на преступления против Веры и Церкви. Все эти люди были, как сказано выше, членами Церкви.

-А весь ли государственный аппарат СССР исповедовал безбожие и был, следовательно, под анафемой?

-Весь. Невозможно было занимать какие-либо государственные должности, не будучи членом ВКП(Б)

-Но с анафематствованными согласно Св. Канонам нельзя иметь даже бытового общения.

-Совершенно верно.

-Однако Св.Патриарх Тихон и некоторые будущие Новомученики после 1918 года предпринимали попытки наладить отношения с безбожниками. Как на это смотреть?

-Как на временные отступления от Соборной Анафемы, как на акты отчаяния и стремление сохранить Церковь, которые они впоследствии искупили либо собственной мученической кровью, либо полным переходом на нелегальное положение. Неудавшиеся же попытки соединить несоединимое продолжил затем уже митрополит

Москва, Малый Каретный переулок, д.12. Региональная общественная организация «Историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Московский мемориал».

Сергий, хотя, безусловно, на качественно новом витке, на котором не просто предлагалось найти у власти ту или иную форму легитимизации Церкви, но ещё и предпринимались весьма успешные попытки расправиться с церковной оппозицией.

-Разве анафематствовались “гражданская власть”? Разве можно “анафематствовать власть”?

-Анафематствовались воители против Церкви (принадлежавшие ранее к Церкви) и богоборческая идеология на все времена. Поместный Собор РПЦ власть большевиков за “гражданскую власть” в смысле римской языческой власти, которой до Константина Великого подчинялись Православные, НЕ ПРИЗНАЛ. Вот цитаты из Соборной анафемы - “изверги рода человеческого”, “именующих себя народной властью”.

-Можно ли было подчиниться большевикам частично - в том, что не противоречит христианской совести?

-Нет. Во-первых, какое-либо общение с анафематствованными (и уж тем более им “подчинение”) воспрещают Св.Каноны. Во-вторых, благое от не доброго во власти большевиков отделить было практически невозможно. Что, казалось бы, есть большее благо, чем защита семьи и очага во время войны? Но почему Катакомбная Церковь, в отличии от сергиан, в германо-советской войне не участвовала? Потому, что в результате этой войны одна Богоборческая Тирания уничтожила три Православные Монархии, четыре православные Поместные Церкви и восемь миллионов православных русских людей, воевавших в этой войне против Сталина и “советской страны”. Отделить “не противоречащее” от “противоречащего” невозможно было даже в таком, казалось бы “очевидном случае”.

-Можно ли участвовать в выборах?

-Нет. Ибо участие в выборах есть соучастие в данной “народной власти”.

-Когда современная власть сумеет выйти из под данной анафемы?

-Когда восстановит правопреемство Российской Империи (а не СССР, как сейчас) путем официальных государственных актов (включая Закон о Реституции и Закон о Люстрации)), откажется от богоборческой государственной символики (герб, флаг, гимн), отменит т.н. “демократические институты” (которые прикрывают ныне “властью населения” - охлократией - власть современной иерократии), допустит проведение Земского Собора и свободного Поместного Всероссийского Собора, принесёт в лице её официального представителя на них покаяние и вверит Соборам решение вопроса о будущем российской государственности и будущем Св.Церкви.

-Как относиться к тем, кто сейчас снова поднимает вопрос о необходимости поисков путей легализации у данной власти даже в 30-е -40-е годы, не говоря уже о наших днях?

-Как к профессиональным церковным провокаторам, цель которых - реформировать Предание Катакомбной Церкви, умалить его эсхатологический смысл и сделать Церковь секулярно зависимой в наши непростые времена.

А. Григорьев

Волею Божией 4-го мая с. г. в Буэнос Айресе, на 66-ом году жизни, после непродолжительной болезни скончалась

АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА ВЬЮГОВА

о чём с прискорбием сообщает брат, Виктор Вьюгов.
Похоронена на Британском кладбище города Буэнос Айрес.

Зарубежная Церковь и Гитлер

Врагам Зарубежной Церкви свойственно клеветать на Неё, приписывая ей благословление Гитлера на войну против России.

Посмотрим на факты, на которые ссылаются клеветники из Московской Патриархии. Так называемый православный журнал «Благодатный огонь» - благогон.ру - пишет, что Митрополит Анастасий «благословил» Гитлера на войну с Россией и в качестве «доказательства» приводит текст «Благодарственного адреса Митрополита Анастасия А. Гитлеру от 12 июня 1938 года». Сам текст этот благогонные пропагандисты называют «историческим поздравлением» Гитлеру от митрополита Анастасия.

Так всё ведь как в анекдоте: не поздравил, а поблагодарил, про войну не говорил, на войну не благословлял, и вообще дело было в те времена, когда Сталин и Гитлер союзниками были (а к власти Гитлер пришёл не только благодаря демократии, но и благодаря Сталину, который запретил немецким коммунистам составить блок с социал-демократами).

А за что Германию благодарить – у Зарубежной Церкви было за что! В 1936 Германия признала официальный статус той её части, которая находилась в Германии (речь шла о Берлинской епархии), и выделила средства на строительство кафедрального собора в Берлине.

Именно по случаю завершения строительства и открытия храма в Берлине Митрополит Анастасий и направил благодарственный адрес рейхсканцлеру. И строго в соответствии с канонами Церкви, Синод Русской Православной Церкви Заграницей утвердил формулы, которыми поминались в литургии власти страны, в которой совершается литургия. В Берлинской епархии формула была такая: «О христоролюбивом вожде народа германского, правительстве и

воинстве его, Господу помолимся».

Согласно христианской доктрине светские власти бывают двух типов:

1. Власть, которая не препятствует христианам соблюдать свою веру. С такой властью общаются (Рим. 13:1-7). Такую власть следует почитать на Божественной литургии и подчиняться ей по нерелигиозным вопросам.

2. Власть, которая не позволяет соблюдать религию. С такой властью предписано бороться (в том числе оружием, примером чему служит восстание Маккавеев).

К 1938 году у Зарубежной Церкви были все основания относить Гитлера к первому типу, а Сталина ко второму, и её позиция была канонически верной. Потом отношение РПЦЗ менялось в связи с эволюцией гитлеровского режима в открытое людоедство.

Отношение к Сталину оставалось прежним, или становилось ещё хуже, так как открывались все новые преступления его и канонически правильным было благословлять русских людей на борьбу со сталинскими изуверами, но всё же никогда это не было официальной позицией РПЦЗ, высказанной Синодом или первоиерархом, - о поддержке гитлеровского режима против сталинского.

Мошеники-пропагандисты из Московской Патриархии приводят какие-то цитаты в таком ключе, в том числе с подтасовками (например, клириков, которые никогда в Зарубежной Церкви не числились), но это – частные мнения отдельных клириков, а не позиция Церкви.

Тем более дико полагать, что Гитлера могли поддерживать епархии, находящиеся вне Германии. Какой-нибудь американский клирик, высказавшийся в поддержку Гитлера у себя в Соединенных Штатах, недолго бы после этого оставался на свободе.

К. Воскресенская

БЕСОЧЕЛОВЕКИ И ПОЛУБЕСОЧЕЛОВЕКИ

Читая пророчества преподобного Нила Мироточивого о бесочеловеках перед концом времён, я особо отметил вот это место из предсказания преподобного: «Мир тогда станет неузнаваемым, изменится облик людей и нельзя будет ясно различать мужчин от женщин, благодаря бесстыдству в одежде и форме волос головы». Про наш мир эмансипации и равенства, а так же коротко стриженных женщин в брюках, не так ли?

Для всех же, связанных с коммунизмом и, в целом, миром модерна, лишь опосредовано (то есть через простое ежегодное отправление советского квазирелигиозного культа “Великой Отечественной Войны” и инерционное следование модернистским идеям гендерного равенства в семье и в рамках корпоративной культуры) я бы ввел смягченную дефиницию - полубесочеловек.

А. Босоволков

НЕЗАУРЯДНЫЙ ТЕАТРАЛ

24 июня 1965 года в Аргентине скончался Георгий Люцианович Симон, но все его знали как Томин - под этим псевдонимом он служил русскому искусству на протяжении 53-х лет.

Родился 6-го марта 1895 года в Буддах, Харьковской губернии. Учился в Реальном училище города Томска и с юных лет испытывал влечение к театру.

В 1911 году становится слушателем Императорских Драматических Курсов в Петербурге. Через год обстоятельства вынуждают его обосноваться в Одессе, где он проходит курс драматического искусства в театральных школах О. В. Рахмановой и Е. А. Мочаловой.

В то же время, в Одессе, начинает свой путь актёра в Драматическом Театре Сибирикова. В 1914-1915 гг. он участвует в театральной труппе известного артиста Григория Ге. В сезоне 1915-1916 гг. служит в одесском театре Михайловского. Одновременно проходит режиссёрский курс в театральной школе. В сезоне 1916-1917 гг. участвует в гастрольной поездке артиста Н. В. Давыдова и приглашён на должность режиссёра в Аккерманский городской театр.

Затем работает в Керченском городском театре как актёр и режиссер. В июне 1919-го года он поступил в Добровольческую Армию, в которой дослужился до чина поручика.

После врангелевской эвакуации попадает в Югославию, где работает актёром и режиссёром в Русском Театре в Белграде, в Передвижном театре и в сербских театрах. Одновременно состоит секретарём Союза Русских Актёров в Белграде.

В 1943 году поступает в Русский Корпус, в чине унтер-офицера и поначалу служит в отделе пропаганды. В последствии, по поручению командования, создаёт труппу «Весёлый Бункер», которая даёт спектакли в частях Корпуса.

Находясь после войны, с 1945-го по 1948-ой год, в Австрии, в лагере Парш, Георгий Люцианович создаёт театр и в продолжении этих лет ставит спектакли в лагерях Ди Пи.

В 1948 году он приезжает в Буэнос Айрес. Здесь, с некоторыми перерывами, ведёт театральную работу. За 16 лет создал свыше 20 постановок (около 50 спектаклей).

Из них следует отметить “Осенние скрипки», «Вишнёвый сад», «Без вины виноватые», «Вера Мирцева», «Дворянское гнездо», «Гроза», «Касатка» и «Женитьба».

В сентябре 1962 года, постановкой сочинённой самим Симоном-Томиным пьесы - «Право на жизнь» - была отмечена его 50-летняя театральная деятельность.

С 1948 и по 1953 гг. подвизался казначеем и заведующим Дома Русских Белых в Буэнос Айресе.

Даровитость его была разносторонняя; он написал несколько пьес, многие из них были поставлены. Кроме того, он был незаурядный декоратор и художник.

Б. Гасан

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев.

NUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>

ЭПОПЕЯ И ТРАГЕДИЯ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

Кутеповская походница
М. В. Захарченко-Шульц

3.

Большая игра

У деятелей эмиграции таинственное исчезновение Рейли должно было вызвать недоверие к «Тресту», но опять, как и в истории с Савинковым, желание продолжать борьбу с большевиками на новом поле брани брало верх над здравым смыслом.

Для прикрытия гибели Рейли Лубянка срочно организовала поездку в Советскую Россию известного политика, бывшего-депутата Думы горе-монархиста Василия Шульгина, искавшего пропавшего во время Гражданской войны сына.

В ночь на 23 декабря 1925 года Шульгин перешёл советско-польскую границу с «контрабандистами» из ОГПУ. С паспортом на имя Иосифа Карловича Шварца он прибыл в Киев, затем приехал в Москву, посетил Ленинград.

Сына Шульгин не нашёл, зато обнаружил всюду принимающих его «прекрасных русских людей», объяснявших ему, что «большевизм уходит, идет нормализация жизни. Эмигрантам не следует торопиться, процесс развивается сам собой, скоро воспрянет великая Россия».

Сам Шульгин увидел из-за жёсткой опеки «контрабандистов» немного. В народ его не очень-то выпускали, чтобы он не был узнаваем. О своих беседах в СССР с игравшими свои роли подпольщиков чекистами и с теми, кого они использовали в тёмную, как Марию Захарченко-Шульц, Василий Шульгин написал и опубликовал книгу «Три столицы». Перед публикацией книги рукопись была отправлена руководителям «Треста» в России для корректировки. Из текста были убраны только подробности перехода границы. Книга Шульгина имела большой успех в эмиграции.

Лубянка была довольна, используя Шульгина как эволюциониста – сторонника идеи о постепенной трансформации советского режима.

В Москве надеялись, что «Трест» надолго удержит Кутепова от активных действий. Но не принимать его людей было невозможно. С разрешения Якушева границу перешли и добрались до Москвы три офицера: Сусалин, Каринский и Шорин. Вскоре Сусалин исчез бесследно. Полковник высказал свои сомнения в «Тресте» одному из чекистов, окружавших Захарченко и Радкевича, и этого было достаточно для его тайного ареста. Кутепову передали, что полковника якобы на улице «опознали болгарские коммунисты, знавшие его ещё по Софии». Во время очередного приезда в Париж Якушев упорно приглашал генерала в Москву для встречи с политсоветом «Треста», но Кутепов отказался от приглашения. Повторить «дело Рейли» не удалось.

В конце марта 1927 года в финском посёлке Териоки Кутепов встретился с военными представителями «Треста».

Накануне совещания на Лубянке инструктировали военного руководителя «Треста» Потапова: всячески оттягивать вооружённое выступление и выступать против боевых действий. «Трест» был нужен, чтобы сдерживать Кутепова. На встрече в Териоки Кутепов сообщил, что в Европе он контролирует значительные офицерские силы. Первую группу из восьми человек можно отправить в любое время. Генерал поинтересовался подготовкой восстания. Потапов пожаловался на безденежье. Стороны остались друг другом недовольны.

В суеде конспиративной жизни агент ГПУ Опперпут-Стауниц сумел соблазнить Марию Захарченко, которая настаивала на активных действиях. После совещания в Финляндии Захарченко предложила игравшему роль радикала Стауницу подготовить боевую вылазку, например, в Большом Театре, не информируя «Трест».

Агент ГПУ почувствовал, что операция может утратить, а он – оказаться лишним свидетелем, подлежащим ликвидации. После долгих раздумий Опперпут-Стауниц сообщил Захарченко правду о «Тресте»: организация создана ОГПУ. Сам он, как и Якушев, – чекист, всё пронизано агентурой Лубянки. Он предлагает Захарченко бежать через финское «окно». В ночь на 13 апреля 1927 года они оба ушли в Финляндию. Через другое «окно» успели скрыться предупрежденные об опасности Радкевич, Каринский и Шорин.

На Лубянке поняли, что «Трест» под ударом, пытались предотвратить измену и подкупить Опперпута. А Кутепову отправили сообщение от Потапова о том, что перебежчик запутался в спекуляциях и опознан как чекист.

Но вскоре, поняв, что отыграть назад уже невозможно, занялись дискредитацией изменника. В газете «Сегодня» 9 мая 1927 года публикуется статья «Советский Азеф» о Стаунице. Он выставлялся провокатором, предателем чуть ли не всех организаций в России от монархистов до савинковцев, обвинялся в расстрелах в Кронштадте и службе на иностранные разведки.

Опперпут в прессе отверг обвинения. Он сообщил, что «Трест» был создан в январе 1922 года советской контрразведкой: «Количество секретных сотрудников данной легенды превышает 50 человек. Среди них несколько бывших генералов, полковников, видных политических и общественных деятелей. Их фамилии, адреса, клички по ГПУ и легенде будут своевременно опубликованы. Основное назначение данной легенды было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность зарубежных антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло. Подобные легенды существуют по всем оттенкам политической мысли. На такие легенды в свое время были заманены в Россию ген. Тетюнник, Борис Савинков и десятки других лиц...»

По рассказам Опперпута, подготовленную ГПУ и Разведупром военную дезинформацию продавали польской, эстонской,

финской разведке. Полученных сумм чекистам хватало на финансирование операции.

В неопубликованных записках беглец сообщил о деталях возникновения «Треста» и роли в нём Артузова, Лангового, Стырне, Романа Бирка, упоминаются видные чекисты Аг-ранов, Сосновский, Кияковский, рассказывается о попытках завербовать эстонского посланника Адо Бирка и о расстреле Сиднея Рейли. Перебежчик подробно доложил о структуре ОГПУ, известных ему методах его деятельности и предложил свой план диверсионной работы в России.

Эмигрантские газеты поначалу не рискнули печатать новые разоблачения перебежчика по разным причинам: от боязни повредить единомышленникам в России до опасений быть обвиненными в клевете в своих странах.

Но рукопись записок Опперпута распространилась в кругах эмигрантских руководителей.

С ней был знаком и Василий Шульгин, который подготовил целых две покаянные статьи о своём путешествии в СССР, проходившем под управлением чекистов. Одна включала и рассказ Опперпута об аресте и гибели Рейли. Однако газета «Возрождение» не решилась их напечатать. Редактор издания Пётр Струве был уверен: «Всякие публичные объяснения будут только плодить смуту в умах и питать интриги». Фактически на публикации новых разоблачений перебежчика был поставлен блок.

Мария Захарченко писала Кутепову: «Прошлое Опперпута не должно мешать нам пользоваться его информацией, как мы считаем нужным. Я считаю, что мы должны широко разоблачить подлые приёмы, которыми большевики провоцируют честных людей».

У политиков и редакторов было иное мнение. Сам Кутепов не мог не поверить разоблачениям Эдуарда Опперпута: тот помог уйти его боевикам. Теперь генерал решает бороться вопреки всему, используя свои боевые группы.

На встрече с представителями польской разведки, которые поначалу не могли поверить в свой провал, генерал объявил, что будет отныне работать через Финляндию.

Дав Кутепову массу разоблачительной информации, Эдуард Опперпут решил лично участвовать в новом походе в Россию в июне 1927 года. Для него стало неожиданным, что вся правда о чекистской провокации мало кому оказалась нужна, а его имя было дискредитировано, и единственным, как казалось, способом очиститься было участие в смертельно опасной операции вместе с Марией Захарченко. Жажда борьбы вела её, никто не мог удержать её от возвращения в Россию. Акции боевиков были нужны и Кутепову, чтобы оыграться за многолетнее наведение мостов с «Трестом» без видимых результатов.

Большевики считали, что международная обстановка вокруг СССР накаляется из-за подрывной деятельности Коминтерна, в Москве боялись войны с Британией.

В западню

Финская группа кутеповцев состояла из десятка молодых офицеров. Оружие для них получила Захарченко-Шульц через начальника разведывательного отдела II финской дивизии ка-питана Розенстрема. Участники группы

исходили из перспектив скорой войны Запада с СССР, в которой надо принять участие, готовить вооружённое восстание, приступить к боевым действиям против представителей советской власти.

Первыми 31 мая 1927 года пересекли границу группа разделилась на две тройки: Опперпут, Захарченко и Петерс поехали в Москву, а Ларионов, Мономахов и Соловьев отправились в Ленинград. До своего похода Опперпут отправил родным в Ригу письмо: «Через несколько дней я ухожу обратно в Россию. Возможно, что я уже буду убит при переходе границы. Этого я бы не хотел. Дойти до места, сбалансировать свои счёты с ГПУ, бросить первый камень в усохшее болото, сделать первый удар в набатный колокол, а потом что Бог даст».

В то время как походники двинулись в Россию, 2 июня 1927 года Врангель в своём кругу выступил против Кутепова, который три года, как и великий князь Николай Николаевич, не слушал его предупреждений: «Попал всецело в руки советских Азефов, явившись невольным пособником излаивания именем великого Князя внутри России врагов советской власти». Врангель возмущался тем, что «жалкие гроши, которые несли беженцы на национальную работу», попадали ИНО ГПУ, «который эту работу разрушал». Разочарование лидера белой эмиграции можно понять: удар по репутации её правого крыла был нанесён сильный. Но Врангель не учитывал и удар, нанесённый разоблачениями, по позициям ОГПУ.

3 июня 1927 года в Москве трое боевиков – Опперпут, Захарченко-Шульц и Петерс – попытались ночью взорвать общежитие сотрудников ОГПУ на улице Малая Лубянка, 3/6. Взрыв главной бомбы был чудом предотвращён – случайно вышедший в коридор сотрудник потушил бикфордов шнур. Информация об этой диверсии сразу не публиковалась.

7 июня члены группы Виктора Ларионова бросили две гранаты в зал Ленинградского партклуба на набережной Мойки. Взорвалась одна, ранив 26 человек. В этот же день, так совпало, в Варшаве монархист-одиночка 19-летний Борис Коверда застрелил полпреда СССР в Польше Петра Войкова, участника расправы с Царской семьёй. И седьмого же июня в катастрофе дрезины на железной дороге около Минска погиб зам полпреда ОГПУ по Белорусскому военному округу Иосиф Опанский.

Эти слившиеся воедино события сильно обеспокоили власти, которые 8 июня 1927 года провели массовые демонстрации, обвиняя Великобританию в терроризме за «английский шпионаж с убийствами, поджогами и взрывами». В официальном «Правительственном сообщении» перечислялись якобы имевшие место попытки покушений на Чубаря, Бухарина, планы напасть на Сталина и Рыкова, арест Сиднея Рейли. Правительство вменяло в обязанность ОГПУ «принять решительные меры». Они выразились в немедленном расстреле 20 «контрреволюционеров», в числе которых были кадет князь Павел Долгоруков и арестованный по делу «Треста» полковник Иван Сусалин. Приговор Коллегий ОГПУ был вынесен и исполнен

9 июня 1927 года. Официально сообщили о нём 10 июня.

Судя по переписке генералов Врангеля и Шатилова, хранящейся в Гуверовском архиве и датированной серединой июля 1927 года, Кутепов дал понять Шатилову, что и после всего случившегося он намерен продолжать свою работу. Ведь группа Ларионова чудом выбралась из СССР в Финляндию.

Советские власти 4 июля 1927 года сообщили через ТАСС о гибели трёх других похитителей. "После неудачи покушения на взрыв террористы направились в Смоленскую губернию, где в 10 верстах от Смоленска Опперпут был застигнут крестьянской облавой, организованной ОГПУ 19 июня с. г. При задержании Опперпут оказал вооружённое сопротивление и был убит в перестрелке. Захарченко-Шульц с её спутником Вознесенским 23 июня наткнулись на красноармейскую засаду в районе Дретуни, высланную белорусским особым отделом ОГПУ, в перестрелке с которой оба они были убиты... В перестрелке с белыми похитителями тяжело ранены: рабочий Яновского спиртного завода Николай Кравцов, крестьянин дер. Белоручье тов. Якушенко и милиционер Лукин Алексей, а также легко ранена жена краскома Н-ского полка Ровнова. Кроме того, террористами убит шофер машины штаба Белорусского военного округа Сергей Гребенюк и тяжело ранен его помощник Борис Голенков – оба за отказ везти террористов. Председатель ОГПУ В. Менжинский".

Заместитель председателя ОГПУ Генрих Ягода в интервью дал подробное описание подготовки атаки на Лубянку: "Взрыв подготавливался довольно умело. Организаторы взрыва сделали всё от них зависящее, чтобы придать взрыву максимальную разрушительную силу. Ими был установлен чрезвычайно мощный мелинитовый заряд. От него на некотором расстоянии были расставлены в большом количестве зажигательные бомбы. Наконец, пол в доме по М. Лубянке был обильно полит керосином. Если вся эта система пришла бы в действие, можно почти не сомневаться в том, что здание дома по Лубянке №3/6 было бы разрушено. Взрыв был предотвращён в самый последний момент сотрудниками ОГПУ".

Генрих Ягода рассказал и об облаве на боевиков с предсказуемым результатом. "Белогвардейцы пошли в двух разных направлениях. В селах они выдавали себя за членов каких-то комиссий и даже за агентов уголовного розыска. Опперпут, бежавший отдельно, едва не был задержан уже 18.VI на Яновском спиртно-водочном заводе, где он показался подозрительным. При бегстве он отстреливался, ранил милиционера – тов. Лукина, рабочего – тов. Кравцова, и крестьянина – тов. Якушенко. Ему удалось бежать. Руководивший розыском в этом районе зам. нач. особого отдела Белорусского округа тов. Зирнис созвал к себе на помощь крестьян деревень – Алтуховка, Черниково и Брюлевка, Смоленской губернии. Тщательное и методически произведенное оцепление дало возможность обнаружить Опперпу, скрывшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке. [...] Остальные террористы двинулись в направлении на Витебск...

Удалось обнаружить их следы в районе станции Дретунь. Опять-таки при активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь пробираться через оцепление, шпионы-террористы вышли лесом на хлебопекарню N. полка. Здесь их увидела жена краскома того же полка тов. Ровнова. Ознакомившись в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком красноармейскую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила её в ногу. Норейс английских агентов был закончен. В перестрелке с нашим кавалерийским] разездом оба белогвардейца покончили счёты с жизнью. «Вознесенский» [Ю. Петерс] был убит на месте. Шульц умерла от ран через несколько часов".

Но белые эмигранты отчётам Лубянки не поверили. Им казалось, что всё это инсценировка. Генерал Павел Шатилов тут же 5 июля 1927 года предполагает будущее повторное использование "тех же персон под другими именами".

Пётр Врангель с ним согласился: заметка "имеет целью определённое законспирирование этих лиц". Для них попытка взрыва – выдумка, гибель участников покушения – это мистификация всесильного ОГПУ... В газете "Сегодня" делают похожий вывод: "В данном случае имеет место очередная провокация, и для сокрытия следов Опперпут был "убит"... В данном случае убийство Опперпу фактически не имело места, и этот ценный для ГПУ сотрудник оставлен в сохранности".

Видимо, наблюдавшие события из-за рубежа не могли поверить, что ОГПУ может сообщать и правду, если она для него выгодна. Во внутреннем советском пространстве новость об уничтожении (знающих слишком много о кухне Лубянки) диверсантов, стреляющих в рабочих и крестьян, была политической куда важнее, чем какие-то комбинации в расчёте повлиять на эмигрантов.

Генерал Кутепов допустил ошибку: эксперта по ГПУ, каким стал Эдуард Опперпут, нельзя было отправлять в СССР на верную смерть. Об этом писал глава РОВС в Берлине генерал фон Лампе: "Опперпу надо было привлекать в Европу, чтобы заставить его открыть то, что нам неизвестно, а не возвращать его в Россию на гибель... или на раскаяние перед большевиками".

Генерал Лукомский, близкий к великому князю, пытался примирить Врангеля и А. П. Кутепова: "Далеко ещё до вывода, что провалились все. Ведь идёт война, были и будут неудачи, были и будут потери... В действительности, слава Богу, о полном «провале» говорить не приходится. Положение А. П. трудное. Теперь его травят со всех сторон, а он пока не может всего сказать... Если же узнают, что и Вы признаёте "провал", – это будет для дела серьёзный удар".

Врангель ответил: "Провал" для меня не неожиданность, я в свое время предостерегал и В. К. [великого князя] и самого А. П. ", и "конечно, это грустно". Разногласие Врангеля с Кутеповым было полным.

Кутепов упорствовал в своей линии. Он решил отправить в Россию ещё несколько групп. Боевики Соловьев и Шорин были убиты на финской границе. Болмасов и Сольский пленены. На латвийской границе также были задержаны непричастные к "Тресту" Строевой, Самойлов и Адеркас. 20 сентября 1927 года пятерых боевиков судили в Ленинграде.

Все, кроме Адеркаса, были расстреляны по приговору суда.

На процессе в Ленинграде вновь были обнародованы сведения о кутеповской организации, роли Захарченко и Опперпу, в том числе и в подготовке взрывов и покушений.

Эмиграция была поражена и размахом кутеповских акций, и массой разоблачений. Опасавшиеся бомбистов власти СССР требовали от Финляндии принять меры к эмигрантам-активистам, и трое из них были высланы из страны. Внутри СССР шли превентивные аресты "бывших". Добавил скандальности делу Владимир Бурцев, наконец опубликовавший статью "В сетях Г.П.У.", где, видимо, по запискам Опперпу, дал полную историю "Треста", рассказал об убийстве Сиднея Рейли и о том, как книгу Василия Шульгина редактировали в ГПУ. Сообщил он и о том, что газета "Возрождение" отказалась печатать статьи Шульгина, где он признавал, что его в России контролировали чекисты. У Бурцева не было никаких сомнений ни в реальности перехода Опперпу на сторону белых весной 1927 года, ни в его гибели.

Наконец-то высказался в "Послесловии" к своей книге и Василий Шульгин. Он объяснял, почему ГПУ его выпустило из России: дабы убедить эмиграцию в подлинности "Треста", поскольку Шульгин в это истово поверил, да и написать книгу о своей поездке и привлечь Врангеля к их организации.

Публикация вызвала сильное недовольство Кутепова, который писал Петру Струве, что в статье в газете "Россия" "многое написано лишнего" и она нанесла вред общему делу. В отличие от него Николай Чебышев, сторонник Врангеля, писал, что надо радоваться, что в 1927 году "развалился опаснейший аппарат советского шпиона-жа и провокаций". Появились предположения, что главной задачей этого аппарата было заманить в СССР Врангеля и Кутепова.

Сам Кутепов публично не выступал, а Врангель признал новые публикации полезными. Своим соратникам он писал, что Кутепов потерпел крах, ему надо отойти от конспиративных дел, ибо гибнут лучшие, становясь жертвой своей доверчивости. Здесь он отчасти совпадал с публично негодовавшими милюковскими "Последними новостями", осуждавшими боевой курс генерала Кутепова.

В полемику об активизме включились практически все издания русской эмиграции. Одни призывали подумать о напрасных жертвах, им возражали, что упреками не остановить готовых к боевым действиям. Виктор Ларионов писал: "Русская молодежь, повинуюсь зову долга, умела беззаветно умирать на полях сражений и с улыбкой становиться к стенке под дула чекистских ружей. Кому, как не этой молодежи, должен быть понятен и близок тернистый путь Коверды и Конради, путь Марии Захарченко, Радковича и Петерса, смерть Соловьева и Шорина в лесах Онеги, скорбный путь Болмасова и Сольского".

"Такая игра не стоит свеч"

Новую атаку возглавил Георгий Радкевич. Муж Марии Захарченко пошёл в Россию то ли на её поиски, то ли мстя за её гибель. 6 июля 1928 года Радкевич вместе с Дмитрием Мономаховым вошли в бюро пропусков ОГПУ и бросили бомбу. Один красноармеец был убит, один ранен. Радкевича убили

при преследовании, Момахов был арестован недалеко от Подольска. Ряд эмигрантских газет предполагали, что это новая провокация ОГПУ, нужная, чтобы поднять волну репрессий.

Но это был, видимо, последний акт антисистемных действий боевой кутеповской организации.

Один из проникавших в СССР (возможно, Каринский) оставил отчёт о трёх неделях пребывания в том же июне 1928 года в Советской России. Он сделал вывод о бесперспективности засылки боевиков: "Итак, почти гарантированно, что при такой системе почти все люди, идущие туда, обратно не вернутся. Кадры надо всё время пополнять и начинать всякий раз с азбуки. Опытных людей в запасе не будет. Каждый из выразивших желание идти на боевые действия сознаёт, на что идёт, и к смерти готов, но весь вопрос в том, целесообразна ли будет их гибель, принесёт ли она пользу делу освобождения Родины. Раньше я верил в осуществление таких систематических акций, теперь ясно вижу, что это невыполнимо, и на вопрос отвечаю – «нет, нецелесообразно». Одиночными мелкими взрывами, поджогами и т. д. немногочисленными, и ещё вопрос, всегда ли удачными, мы ГПУ не устроим, общественное мнение взволнуем, но к активности вряд ли кого вызовем. Вернее, ответный террор ГПУ придавит всякое проявление этой активности. Если бы мелкий террор шел снизу, от всей массы населения, тогда он был бы грозным для коммунистов, но ведь трагедия в том, что на это даже рассчитывать сейчас нельзя... Моё мнение, что такая игра не стоит свеч. Мы эту игру не в силах провести в таком масштабе, когда она станет опасной для советской власти, и результаты не оправдают потерь".

Автор текста был прав, в 1929 году боевая акция Кутепова сошла на нет. Белых освободителей не получилось. На долю требующих борьбы остались газетные дискуссии да рассказы о действующем на Дальнем Востоке и в Белоруссии "Братстве русской правды", очередной легендарной структуры. Одиночки, рискуя собой, ещё ходили в СССР в разведку.

После внезапной смерти 25 апреля 1928 года основателя РОВСа генерала Врангеля великий князь Николай Николаевич приказом от 29 апреля назначил генерала Кутепова председателем Русского Обще-Воинского союза (РОВС). Из пугавших Лубянку дел у непримиримого генерала был план поднять восстание на Кубани... Месть была задумана и осуществлена.

В январе 1930 года похищенный спецгруппой ГПУ Якова Серебрянского в Париже, исчезнувший и, видимо, сразу убитый 26 января 1930 года. Русский герой А. П. Кутепов расплатился за свой порыв к борьбе. Почти до самой Второй Мировой власти СССР считали эмиграцию главным врагом и проводили против её лидеров чекистские боевые операции: в их числе убийство разведчика Игнатия Рейсса, успешное похищение нового главы РОВСа генерала Евгения Миллера. Гибель Кутепова не поставила точки в многолетнем идейном и силовом противостоянии большевиков и их противников – белых русских патриотов.

Михаил Климов